

УДК 299.4

**ЖРЕЧЕСТВО МАРИ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI века):
ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ**

© 2013 г.

Р.А. Саберов

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

saberow@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.03.2013

Анализируется развитие жреческого института марийской традиционной религии конца XX – начала XXI века. Особое внимание уделяется вопросам построения иерархии служителей культа и языческой эндонимии духовных лидеров мари.

Ключевые слова: финно-угры, марийцы, традиционные религии, жречество, иерархия, Среднее Поволжье, XVIII–XXI века.

С момента распада СССР, утраты единой идеологической составляющей, часть российского социума обратилась к духовному поиску. Некоторые представители общества апеллировали к опыту монотеистических религий, другие пытались утвердиться в верованиях новых религиозных движений различного толка, третьи предпочли остановить свой выбор на традиционных верованиях. К духовному наследию предков обратились финно-угорские народы, проживающие на территории Среднего Поволжья. Возрождение автохтонной религиозно-культурной практики мари в современной России также далеко от стагнационного «спокойствия». Характерно, что в процессе «этноренессанса» рассматриваемого этноса можно выделить ярко-выраженную движущую силу – духовных лидеров, религиозный институт которых в полной мере еще не стал предметом научной рефлексии.

Обращаясь к проблеме современного состояния жреческого института мари, исследовательское сообщество отмечает, что возрождение марийского традиционализма идет путем взаимного сближения «картов» (служителей культа) и представителей интеллигенции с целью защиты национально-религиозных интересов [1; 2, с. 495]. Несмотря на существование в исследовательской среде хронологического диссонанса в определении начала деятельности общественно-политических, культурно-просветительских, религиозных организаций¹, точкой начала активного возрождения обрядовых практик представители от науки определяют 1991 год [1; 3]. Данную позицию разделяет и один из духовных лидеров марийской традиционной веры Альберт Иванович Рукавишников [4]. Научное сообщество и последователи автохтонной религии особо выделяют в этом процессе решающую роль организации «Ошмарий-

Чимарий», тогда – «Всемарийского духовно-религиозного языческого центра» [5, с. 95]. Сегодня данный институт не функционирует [4]. С 2007 года место лидера в консолидации адептов автохтонной религиозности заняла новообразованная «Централизованная религиозная организация Марийской Традиционной Религии Республики Марий Эл» [4; 6, с. 3]. С 1998 года и по сей день «верховным» духовным лидером мари является Александр Иванович Таныгин [6, с. 2]. В отношении его предшественников исследователи отмечают, что в 1991 году состоялись выборы Верховного (общемарийского) жреца (тунь онаенг), им стал народный писатель Александр Михайлович Юзыкайн [1; 3]. Однако данный факт опровергает респондент А.И. Рукавишников: «Юзыкайн сказал: «Я буду руководителем Ошмарий-Чимарий, но я не духовник, не карт» [4]. Действительным же «Верховным картом» был Степан Андреевич Милютин [4]. После него, с лета 1994 года, «пост» Верховного жреца занял Алексей Изергович Якимов [3].

Централизованная религиозная организация Марийской традиционной религии Республики Марий Эл была создана с целью координации и повышения эффективности работы ранее организованных религиозных общин и групп (Сернурского, Новоторьяльского, Советского, Моркинского районов Республики Марий Эл) [6, с. 3]. Учредителями этого объединения выступили главы местных религиозных МТР «Марий кумалтыш» Вячеслав Михайлович Мамаев (пос. Сернур), Иван Андреевич Щербаков (пос. Советский) и Геннадий Никандрович Таныгин (д. Большое Танково Новоторьяльского района). Сегодня в состав Централизованной религиозной организации МТР РМЭ входят четыре общины: Сернурская, Новоторьяльская, Советская, Куженерская [4; 6, с. 3].

Внутренняя структура Централизованной религиозной организации МТР РМЭ включает два отдела. Первый – Совет старейшин – объединяет духовных лидеров общин и отвечает за религиозную составляющую. Второй – представлен Советом общин – административно-руководящий орган. Число представителей отделов может различаться в зависимости от количества членов в общинах (в среднем по 20 членов в каждой), имеющих решающий голос на итоговых общегодовых собраниях [4]. Следует отметить, что некоторые из элементов рассматриваемого организационного объединения имеют аналоги в исторической «ретроспективе» [7, с. 86]. Как отмечает этнограф XIX века С.К. Кузнецов, в силу отсутствия в некоторых местностях «сновидцев» (омыужшо) решение о проведении большого моления принимает «совет стариков». Функции же последних разграничиваются следующим образом: духовное лицо «со слов самого бога определяет число и род жертв», а коллегиальный орган (совет стариков) «указывает, где покупать скот, и распределяет расходы...» [8, с. 178].

Переходя от организационной составляющей непосредственно к характеристике служителей культа, следует обратить внимание на проблему определения эндонима (самоназвания) духовных лидеров. Ученые-путешественники XVIII столетия, Г.Ф. Миллер, П.И. Рычков, И.Г. Георги предлагают несколько названий мари́йского служителя культа: «юктуч», «мушан», «карт» [7; 9–10]. Анализируя приведенные вариации, отметим, что первая («в чистом виде» в исследовательских работах не встречается. Некоторые ученые выводят значение этого слова от мари́йского «йук» – «голос», «звук»; «йуктеш» – «читать»; отсюда дословно, – «чтец молитв»². Вторым вариантом («мушан») в современной мари́йской орфографии определяется как «мужанче» – «ворожея», «гадалка» (от мужедаш – «ворожить», «гадать») [11, с. 123]. Исследовательское сообщество XIX–XX веков также фиксирует наличие названия последнего в системе автохтонных верований мари [12–14]. Кроме того, некоторые авторы XIX столетия указывают на наличие «сновидцев» (омыужшо) [11, с. 139; 13, с. 74]. Наиболее распространенным «обозначением» служителей культа в научной литературе и периодической печати, как ранее, так и сейчас, является «карт». Современный «священнослужитель» А.И. Рукавишников отмечает: «Порусски уже давно за нами слово «карт» [4]. Вместе с тем, в зависимости от территориальной, этнолингвистической принадлежности той или иной мари́йской этнической группы, выделяются и иные названия духовных лидеров –

«кугузя» (кугыза) [8, с. 174], а также «мулла». Последний в большей степени фиксируется у мари́йцев, проживающих на территории Республики Башкортостан [15]. Некоторые исследователи объясняют этот факт тюркским происхождением слова «карт» [16]. Примечательно, что А.И. Рукавишников выводит этимологию рассматриваемой дефиниции из иранского языка в значении «человек владеющий тысячами, т.е. в подчинении его тысячи» [4]. Вместе с тем респондент указывает, что в мари́йском языке служитель культа называется «онанг» [4]. Этнограф Н.С. Попов конкретизирует дату «перехода» к данному «обозначению» – июнь 1991 года³ [5, с. 95–96]. При этом в 2004 году мари́йские «муллы» подтвердили свое согласие на принятие данного «наименования» [4]. Интересен тот факт, что, рассматривая вышеприведенных ворожея, сновидца, респондент указывает на возможность, даже в некоторой степени необходимость, наличия у карта навыков лекаря, травника, предсказателя погоды⁴ [4]. Несмотря на довольно обширный функциональный перечень служителя культа, наличие колдовских практик последними категорически отрицается, но вместе с тем отмечается возможность более раннего существования «колдунов» [4]. Таким образом, эндонимом служителя культа мари являются «карт», «онанг» (однако последняя дефиниция появилась в научной литературе сравнительно недавно – в конце XX столетия).

Заслуживает внимания вопрос о научной типологизации системы духовных лидеров мари. В исследовательской, справочной литературе группа религиозных «посредников», осуществляющих связь земного мира с сакральным, «божественным», обозначается как «жречество» [17, с. 562]. Однако, по мнению некоторых современных адептов мари́йского политеизма, «карт» жрецом не является: «Мы священнослужители – служители культа» [4; 18]. Свою позицию респондент аргументирует, апеллируя к опыту «классических жреческих систем», в частности к греческой и египетской [4]. В пользу открытости института духовных лидеров мари свидетельствует не только мнение респондентов, но и предшествующая историческая традиция, зафиксированная научным сообществом XVIII–XX веков [7–8; 19]. Рассматривая элементы, присущие классическому жреческому институту (монопольное право на связь с богами, специальная подготовка, наследственность в передаче функций и знания служителя культа, иерархичность), отметим условность наличия некоторых из них в системе служителей культа мари. Во-первых, монополия на отправления религиозного культа закрепляется за мари́йски-

ми картами преимущественно на общественных молениях, частные же (семейные) жертвоприношения может совершать глава семьи. Во-вторых, несмотря на отсутствие четко фиксированной специальной подготовки служителей культа, большинством представителей от науки, принятием данной точки зрения некоторыми представителями журналистики, а также непосредственными духовными лидерами, в частности А.И. Таныгиным [20, с. 88], в публикациях некоторых авторов можно встретить формулировки, свидетельствующие о наличии «обязательного периода обучения и предподготовки, обета очищения в течение года, за которым следовал обряд посвящения» [21]. Кроме того, А.И. Рукавишников указывает на существование определенных организационных мероприятий в форме семинаров, совещаний, направленных на подготовку будущих картов [4]. В-третьих, присутствие своего рода наследственных элементов, как в передаче «знания», так и формирование «династий» служителей культа. Характеризуя источник «сакрального» знания марийского карта, С.К. Кузнецов отмечает: «...один он так хорошо знает все нужные молитвы, потому что и отец его, и дед были картами, и ему было от кого выучиться» [22, с. 52]. Данный факт еще раз подтверждает наличие элементов преемственности, наследуемости «должности» служителя культа, вплоть до формирования семейных династий. Существование явлений такого рода прослеживается и на современном материале. Марийский карт А.И. Рукавишников приводит в пример семью Милютиных: «Отец С.А. Милютина картом был, он сам тоже, сейчас у него два сына служители культа – Герман и Анатолий» [4]. Вместе с тем рассмотренный выше принцип формирования института священнослужителей не является строго обязательным [4; 8; 19]. При этом исследователи апеллируют к выборности, сменяемости служителей культа [8; 23]. Адепты современного традиционализма отмечают отсутствие четких временных ограничений для священнослужителей, более того, последователь МТР может занимать эту «должность» вплоть до собственной смерти⁵ [4].

В определенной связи с проблемой типологизации духовных лидеров находится вопрос построения жреческой иерархии. Попытки выделения и систематизации вопроса лестницы служителей культа наблюдается в текстах исследователей, начиная с XVIII века. В обобщенном виде стратификация состоит из трех основных «звеньев»: «первосвященник», «старший» карт, «младший» священнослужитель. Далее следует масса помощников «удше» (учо) [10, с. 38–39]. Кроме того, отдельно выделяется «совет стариков» как организационная структура, функционирующая

при проведении всеобщих молений [7, с. 86]. Наиболее полно систему марийского «клира» в XIX веке раскрыл этнограф С.К. Кузнецов. Исследователь выделил пять «уровней» иерархии служителей культа: первый – «сновидцы» (в случае их отсутствия обязанности исполнял «совет стариков»), в организационные обязанности данной ступени входило определение даты, места проведения моления, выбор жертвенного животного, распределение расходов. Второй – «ворожцы», третий – «карты» (непосредственные служители культа). На четвертой ступени находились помощники жрецов. Последний, пятый уровень – казначеи, отвечавшие за финансовую сторону проводимого моления (подсчет собранных денег, расходов, перераспределение дефицита) [13, с. 74–75].

Современное состояние системы священнослужителей марийского традиционализма А.И. Рукавишников определяет как трехступенчатое: первая ступень – главный карт, ответственный за определенный функционал. Он также контролирует готовность ритуальной пищи. Вторая ступень – карты-помощники, третья – помощники (учо), отвечающие за разведение и поддержание костров. Кроме того, имеются и казначеи, не входящие в круг непосредственных служителей культа, отвечающие за учет, приход-расход денежных средств. Также имеет место организационно-административная структура в лице Совета старейшин, куда входят представители священнослужителей религиозных общин и Верховного карта (Тун онаенг). Вместе с тем респондент отрицает наличие иерархии в среде служителей культа, отмечая её условность [4]. Некоторые исследователи определяют тенденцию к универсализации, построению иерархичной системы служителей культа мари как следствие монорелигиозного (в первую очередь христианского) влияния, считая данный факт проявлением современного двоеверия [24].

На основании суммы вышеизложенных факторов можно прийти к следующим выводам. Во-первых, анализ историографии вопроса, полевого материал показывают, что точкой начала возрождения автохтонных обрядовых практик, как с фактической, так и с юридической стороны, следует считать 1991 год. Во-вторых, традиционно распространенное самоназвание служителя культа мари – «карт». С 1991 года данная дефиниция дополняется новой – «онаенг». Последнее подверглось научной фиксации сравнительно недавно (в конце XX столетия). В-третьих, имеет место формирование объединяющих организационных структур в лице Централизованной религиозной организации – Марийской Традиционной Религии Республики Марий Эл. Данная тенденция, вероятно, является

ся проявлением своеобразного «религиозного модерна». Вместе с тем отдельные элементы указанной структуры имеют своё отражение в исторической ретроспективе. В-четвёртых, проведенный анализ показывает наличие иерархии в системе служителей культа мари, чей религиозный институт не оформился в замкнутое сословие жрецов. Однако прослеживаются зачатки тенденции изоляционизма, развитие которых в дальнейшем может привести к формированию системы религиозного «клира».

Примечания

1. На данный факт, в частности, указывает современный исследователь Р.В. Шиженский. См. подробнее: Шиженский Р.В. Проблема генезиса современного русского язычества в работах российских исследователей // *Indigenous religions. «Русь языческая»: этническая религиозность в России и Украине XX–XXI вв.* / Сост. и общ. ред. Р.В. Шиженский. Н. Новгород: НГПУ, 2010. С. 18–41.

2. Данную позицию занимает доктор филологических наук, профессор Н.И. Егоров. См. подробнее: *Хрестоматия по культуре чувашского края: дореволюционный период.* Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. С. 142.

3. В этом же году состоялась учредительная конференция религиозного центра «Ошмарий-Чимарий».

4. «Ранее карты могли очень многое, обладали сильной энергетикой, могли предсказывать судьбу, ворожить, даже останавливать явления природы» [4].

5. Однако последнее не прослеживается в исследовательских работах XVIII – XXI веков.

Список литературы

1. Лекция седьмая. Национальное язычество. Мордовия, Чувашия, Удмуртия, Марий Эл // Щипков А.В. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России. Курс лекций. Изд-во: РХГИ. СПб., 1998. URL: <http://www.religare.ru/article7169.htm> (дата обращения: 25.12.2012).

2. Иванова З.И. Марийское язычество: пережиток или основа этнокультурного самосохранения // *Религии России: проблемы социального служения.* Сборник материалов конференции. М. – Н. Новгород, 2011. С. 494–497.

3. Шнирельман В.А. Неоязычество и национализм (восточноевропейский ареал). URL: http://www.kolhida.ru/index.php3?path=_etnography/art s/&source=05 (дата обращения: 24.12.2012).

4. Полевые материалы автора. Интервью с А.И. Рукавишниковым. 24.11.2012 г., пос. Куженер, Республика Марий Эл.

5. Попов Н.С. К истории возрождения марийских традиционных молений в конце XX века // *Этническая культура марийцев (традиции и современность).* Йошкар-Ола, 2002. С. 92–121.

6. Рукавишников А.И. О Марийской Традиционной Религии в Марий Эл. Б.м., 2011. 5 с.

7. Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770. 190 с.

8. Кузнецов С.К. Остатки язычества у черемис // *Святыни. Культ предков. Древняя история.* Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба, ГУП РМЭ «Марийское книжное издательство», 2009. С. 167–201.

9. Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. 131 с.

10. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. 1795–1797. Ч. I. О народах финского племени. СПб., 1795. 117 с.

11. Васильев В.М., Учайев З.В. Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003. 296 с.

12. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875. 296 с.

13. Кузнецов С.К. Черемисские мольбища, жреческая иерархия и жертвенные пиры // *Святыни. Культ предков. Древняя история.* Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба, ГУП РМЭ «Марийское книжное издательство», 2009. С. 73–75.

14. Васильев В.М. Материалы для изучения верований и обрядов народа мари. Краснококшайск. 1927. 128 с.

15. Паасонен Х. Большой жертвенный праздник / Календарные праздники и обряды марийцев // *Этнографическое наследие.* Вып. 1: Сб. материалов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. С. 139–150.

16. Щипков А. Марийское язычество. URL: <http://www.bg-znanie.ru/article.php?nid=5889> (дата обращения: 25.01.2010).

17. Советская историческая энциклопедия. М., 1964. Т. 5. 960 с.

18. Полевые материалы Р.В. Шиженского. Интервью с И.Ф. Максимовой. 2007 г., Йошкар-Ола, Республика Марий Эл.

19. Ярыгин А.Ф. Современные проявления дохристианских верований марийцев. Йошкар-Ола, 1976. 76 с.

20. Анн Дорит Бой. Последние язычники Европы // *GEO.* 2010. Апрель. С. 80–91.

21. Ямурзин А.А. О некоторых аспектах современного состояния язычества в Башкортостане (на примере язычества мари) // *Вестник Башкирского университета,* 2007. № 1. С. 113–115.

22. Кузнецов С.К. Очерки из быта черемис // *Святыни. Культ предков. Древняя история.* Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба, ГУП РМЭ «Марийское книжное издательство», 2009. С. 17–71.

23. Смирнов И.Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889. 265 с.

24. Кнорре Б., Константинова Е. Марийская народная вера и борьба за национальные интересы в последнее 10-летие. URL: <http://www.portalcredo.ru/site/?act=lib&id=2793> (дата обращения: 06.10.2011).

**MARI PRIESTHOOD (LATE 20TH– EARLY 21ST CENTURIES): PROBLEMS
OF INSTITUTIONALIZATION**

R.A. Saberov

The article provides an analysis of the priestly institution development of Mari traditional religion in the late 20th – early 21st centuries. Special attention is paid to the hierarchy of the priesthood and the pagan endonymics of Mari religious leaders.

Keywords: Finno-Ugric people, Mari, traditional religion, priesthood, hierarchy, Middle Volga.